

Илья Ильес
Илья Ильес
Илья Ильес
Илья Ильес

Илья Ильвес
17:17. Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29807289

SelfPub; 2019

Аннотация

В настоящую книгу избранных произведений Ильи Ильвеса вошли работы разных лет и стихотворения из циклов «Silencio» и «Погребение...».

Содержание

Ржавчина	4
Железо	8
Порошки	10
В город[3]	15
Сиреневый краситель	20
Посвящается Элеоноре Э. А. По	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ржавчина

Покойные орнаменты и даже стрела Арно
в стакане с граппой становится безударна,
Прямолинейность платанов равна
времени, как и их кривизна.
Отсюда лишь пыль попадает на небо,
ибо пыль слепа, и движение – это дно,
которое скроет скорейший кельнер, но
и плотно, надетое на руку также нелепо,
как изводить стеарин, когда темно.
И комната, в которой есть окно, –
куда больший случай вершин,
ибо эти платаны от крон ши
отделяет закон
в котором есть всё, кроме окон.
Не скажи и не данность, лучше
Остаться целым, то есть обрести ноль,
Поглотивший Гранд, далее – Гиньоль,
И достигший пределов Фуджи
В окрестностях Шинто, как и должно в глуши.
То рiuо иль на Гребном канале,
Где от волны отделяет стена,
Покачиваясь выйдешь на/

Конец, который совершается в начале.

И пиши, наверняка пиши.

Эта тирада не столь длинна,

Как прочее её короче.

И полночь, надетая на Санта Кроче,

Глубже, нежели оригинал во ржи.

Под фонарём пел апостол и хоть потоп –

Не заломит бровей, не поведёт озноб.

Воздух не так речист, только язык горчит,

Только его и влачи пока он не замолчит

Камнем, чертой, шестом в глине этой земли,

Что земля – дождь, по воде ноли.

И огонь не горяч – только всплеск, тишина,

Участь, стена и плач, без коего стена – не стена.

В колбе песок и тот кажется здесь вековым,

Им не разжечь костров, с ним не бывать иным.

Только и есть, что ты – тот, что не помнит себя,

Контур, немой пустырь, на и по ком скорбят.

Дерево – та же страсть, вата, нарывы ума

Пиний, раскрытая пасть

Времени, траурная кайма.

Напоминает часть

Речи утраченного письма,

Недостающей литеры в слове с таким концом,

Что уж и вовсе обратное начинает казаться лицом.

В этих местах от щедрот рвётся последняя связь
С тем, что твой собственный рот шепчет, оборотясь.
Есть карты, коим этот ландшафт воспрещён к показу,
Ибо карта – ничто, если дом называется casa,
Но и вовне частиц, омывающих этот дом,
Каждая porta в итоге встанет в дверной проём.

Мосты затягивают вопли и выдыхают молчание.
В сущности и собственное дыхание
Становится ещё одной дырой в циферблате
К ржавой набережной и далее по течению... Глядя
На то, как приподняты настроения этой девы,
Полушария сами сменяются справа налево.
Так кормчий омывает ладонь, веслом поднимая тину,
Так, поминая Веблена или же Аргентину,
Разливает площадь по линиям древа.
Одноимённый собор с появлением керосина
Воскликает из чрева: *matár la pueva*.
Моя редактура здешних окраин не держит удара
Критики, колоратурно вознесённой эпохой пара.
Здесь сплошная погрешность и за такие тетради
Ежели не пошлют, то едва ль расцелуют сзади.
Так закройся носатой гримасой и властвуй,
Буйствуй, неистовствуй, странствуй. Паства
Суть признак поведения мысли в условиях качки.
И от Шардена до последней прачки

Только холст и правильный выбор щетин –
Верней их отсутствие. Вектор всегда един
Тем, что вмещает в точку чаше
Больше замысла, нежели в предстоящее.
Иссякай, исходи, выворачивайся за спиной
Ещё одно имя города, удобренное во рту слюной.
Из таких, как ты, выпадают, что утварь
На пол, навзничь, в зеркало, внутрь.
После – оскомина, накипь, твердь.
Первый ближайший, вобравшись в жердь,
В испарине лба и с дребезжаньем в руке
Дёрнет строку, примеряя к своей ноге.
Оросив плевком грязь, воздавшую моим устам,
Встречный поднимет хвост на манер «аз есмь воздам».
Он же и впредь господь, пастор, простёрши длань,
Будет карать и колоть, но и его гортань
Вымоет вечный залив, рваные небеса.
Это солнце встаёт не из... Его воскрешают за...
Заливай, выжигай горизонт, как Мошиах мосты.
Воскресение – это в календаре, по краям кресты.
И тем более Letum non
Finit. Omnia вотще.
Вне – Nihil, эталон
мысли, предел вещей.

Железо

Владимиру Владимировичу посвящается

Буквы просыпались грудой беспощадной бойни,
Волос сорные кучи пятернёй ветра льнут в оклад.
С ума/сброд влез на тротуар, покачав головой мне.
Человек с лицом циферблата вышел на променад.
Стрелок глаженных бьёт штанина в сапоге кирпича –
Полночь масляная растекается под грампласты.
Нащупал виском дуло эпохи? Можешь хвастать!
Твои словеса завтра к стенке поволочат!
Чаши колен выбились из шкафов мясистых
И поливают бранью от Сан-Ремо до Сам Фран.
Видишь сегодня мебельных фабрик успех голосистый?
Будь уверен – завтра они же полезут к тебе в карман!
Не поймёшь, что дольше держать: Фрапён или паузы,
Хотя нынче тому и другому обещано счастливо жить.
Хочешь работать на благо? Бери-ка маузер!
Пока кто-то другой не решил тоже самое предложить.
Солнца кровавая баня... Туч разорванным мясом
Заправим натуго прожорливую рогатину глаз.
У этого настоящего есть только анфас –

Стреляй в него не раздумывая. Сразу!

Дня глинистого обрубок швырни на гончарный круг

И лепи из него хоть красные, хоть чёрные, хоть выходные...
ные...

Слышишь, Бог?! Это только мы с тобой играем в эту игру!

А не эти там...

Которые...

Остальные...

< 2014 >

Порошки

*О, восторженные поедатели белены.
Лизергиновые странствия исчерпаны.*

Демократия

Святое угощение строптивых подворотен,
Панкреатит голосовых развязок, кучевые рты,
Пролётки языков, гирлянды первородных язв, жгуты
Глазных артритных перст врыть в расчехлённые поводья

Червеобразных проводов, мениски обелисков –
Орудие эпохи выворачивает ноги стен.

Всё с корнем прочь. И рвать в горчичной ржавчине спа-
гетти вен,

По пояс в хрящевом желе небес и лунных брызгах.

Ароматическая брань торговцев междометий.
Заткнуть прокуренную явь потоком дождевых слизней
и падать вниз лицом. Все до единой пошлости о ней,
Увековеченной фабричным ярлыком на третьей

Коробке с фокусами после солнца. Вепри кали
Разгрызли в гниль пандорианский горизонт и метят длань.
Радж поднебесных похмелился рвотным порошком, дела
Всеядных перемен пошли, как водится, так далее...

О, скверна рыхлых песнопений целлюлитной юги,
Гремучая затрещина опорожнившихся времён,
С тобою влиться в расплывающийся пантеон и вон
В лимонном омерзении себе слюнявить руки.

Фобия

Кроить оскалы черепных копилочек
О мытый полдень набережных снов,
В костры охапки этих блудных слов,
Да вплавь железной девы вод, по жилам.

Грошовой щёлочи пенящие уста
Ласкает повидавший позы лотос.
Сполна обожеествившись с райского куста,
Заведующий местным флотом
Завзятый Шива выбросил глаза –
Всё на потребу ненасытной Рати. Та,
Поморщиваясь от таких картин,
По наущению совета ста
Посажена на воду и прозак.

Такая схема, мол, не создаёт морщин,
Однако, по последним слухам, в карантин
Всё больше попадают за
То, что не выходит за пределы рта.

«Засим добавить к исполнению.»

Пустота

Сернистой серны выварочный месяц
Остервенело жжёт раскрашенным углём –
Светило зубоскалит. Ночи в окоём
Гортани одичало лезут смеси.

Напудрить птомаиновыми пудрами закат,
Ломтями нарезать желеобразный воздух.
Пускай кишат в окоченевших ноздрях
Фрактальные богини сквозняка.

Ghaticеская¹ размазня по праву
Нахваливает человеческий предел.
Удел произрастания в такой среде –
Учитывать тот факт, что переправа
Не сделает и метра без огня в котле.
Хотя, как вскользь заметил сухощавый вождь,

¹ **Ghat(Гхат)** – каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов, а также место кремации.

К иным мирам куда сподручней на метле.
От одиночества ж спасает разве дождь,
Которого здесь не бывало и в помине.
Навязчивый букет высоковольтных линий
Шипит цикадами в полупрозрачной мгле,
И разливается в туманном миндале
Недостающий чёрный в недостающем синем.

Егозия

О, кармические секстанты Тантры. Санитар,
Убери эти пуанты и чёртовы хризантемы,
Проклятые хризантемы и проклятые пуанты.
Мы ошиблись станцией, я не узнаю местá,
Эти пляски качает не тот состав –
В бочках полно солёной воды. Санта
Баба² приходил вчера, бил тотемы...
С утра – иллюзия гелия и легионы элегий.
Я ли – не георгин гангрэн разума,
Почечные нефриты истошных песков,
Песчаные пыли, огненные побег
Берегов, обожравшихся водородными газами?
Размазывай сукровицу мозгов
По кишечным заворотам дороги.

² **Санта Баба** – собирательный образ индийских святых во главе с Баба Саван Сингхом и Саи Баба.

Твой особенный дух – укладывать в слоги
Эти соки воспалённых голов.
Излучены губ, граммофоны зубов –
Изъедены словесными паразитами.
Из-за пазухи космоса лезут орбитами
Полей чугунных котлов
Вопросительные волокна закатов,
Бриолиновые пряди потрохов луны.

P.S.

Ещё один, сорвавшись со стены,
Расчёсывает языком волну слюны
На выглаженных половицах
кабинетного
квадрата.

< 2014 >

В город³

Прилив долин... да в фиолетовых стихах Венеций
Закутаться слезящимся камням и на восход...
В полдневной партитуре не увидеть нот, и брод
Срывается на дно, не доходя до mezzo...

Плыть по домам, да в россыпь глаз в просоленном вокзале
Уткнуть лорнет, куда горизонт, сменяя дни,
Плетясь, отслаивает пригоревшие ступни
От вымокшей под градом солнц сутулой магистрали.

Покатывать шары белков по оскоплённым лунам,
Трамвайно созерцать седой булыжник мостовых.
Пусть скашивают косы стрелок в колбах часовых
Развёренным росчерком безвременные дюны,

Пусть ниспадает одеяние хрустальной сельвы
Безлиственных витрин к понтийским берегам.
И с берегов по раскалённым, кипенным мехам

³ **В город** – имеется ввиду происхождение турецкого слова Istanbul от греческого «эйс тин полин», что, в свою очередь, и переводится как: «в город» или «к городу». Считается приблизительным греческим наименованием Константинополя.

Всё дальше в вороную пропасть мраморного шельфа.

В кофейных ступах утра палевый рассвет толочь,
Где звёзды омывают полдень по слепым горам.
И полдень клонится к бескрайним диким вечерам,
Что в здешних языках считается за ночь.

[.....]

Брезентовые сумерки, истерия позёрства,
Репродуктивные развалины, понтоны ртов –
Мостам ума вонзиться в эзотерию домов...
Всё пыльным кирпичом сыпается лазурно в горсти.

В цилиндре фокусника до отказа пышной брани.
Уездный халифат остыл уже как час назад,
И уменьшительные стёкла больше не вмещают ад
Обезображенного дня ласкательными снами.

Пишу к тебе из прошлого, мой неуёмный город...
О, время жидкостей... Пружины боле, чем сполна
Хватает до тебя. Вина здесь глубже, чем до дна,
И также к вечеру, продрогнув, поднимаешь ворот.

С листа империя разложена чуть больше в presto.
И задремавший лавочник скорее ждёт в кафе,

Чем на причале, и отец эпохи, галифе
Сменив на френч, чуть дольше века не находит места.

За полночь видно ближе, чем тлен соседствующих крыш.
И Мёбиус здесь не отряхивает сентября –
Дороги хлыст бичует спину дорий... Говоря
По правде, весь Мёбиус разъехался давно в Париж.

[.....]

Исповедальня зацелована до дыр и после...
Стекает cinnabari по парадным мёртвой лампой.
Срывает небо с корнем с полуночного эстампа
Железный оттиск на волну. Наборщик болен. Возле:

За крах звезды к стене поставлен столбовой фонарь;
На площадях мятеж прогорклого базальта;
И погребя раскупоренного асфальта
Выплёскивают по бокалам керосиновую гарь.

В лицо дощатой пристани, простынно и пространно,
Ударить пополуночи укачанным шагам,
Покуда захмелевший щебень катится к ногам,
Гарцуя в антрацитовом исчадии озанны.

Шипит фотон по изобилующим ресторанам,

Ликует вдребезги преисторический харам,
И катятся глаза по облупившимся стенам
В червонные рога просмоленного океана...

Ночной факир разматывает в прядь кальянных клубней
Лукумовый пассат, да в холст холщёвых куполов.
Набрать в охапку россыпи с тюльпановых ковров
И по мощёным улицам разбрасываться в бубны.

Анизотропия окон, блаженство неофита –
Пророческая длань в тугой перчатке перемен.
В калейдоскоп всевышнего просыпан молибден⁴,
И ночь – дотла в глухом метападении софита.

Несётся в эпохальных зеркалах немых курганов
Гвардейский росинант под янычарским ездоком.
Полёт благословен и тих, но всё под потолком...
И проливаешься с небес, да всё паркетной манной.

Будь счастлив, неоконченный сентябрь! Имбирная Пан-
гея.

В нефритовых зрачках чуть больше часа тлеет хмарь.
И кукольный январь игрушечного Рима ларь
В янтарь московских вод заковывает, пламенея...

⁴ **Молибден** – элемент таблицы Менделеева. В данном случае имеется ввиду применение вещества в качестве нити накаливания в лампах освещения.

P. S.

Из ведомости: Чревоугодие. Лень на слова.

Уныние. Волна, лишённая поддержки дна.

Согласно описи: Изжога зрения – одна.

Интоксикоз – один. Старение – одно. Октябрь – два.

< 2013 >

Сиреневый краситель

Воскликнуть кожей каблука на пьяных сходнях...
Кунжутom мостовой в рогаль на фонаре да в Grande⁵...
Да обмакнуть перо себя, червлёное, в циан
В чернильнице грудастой, пышной подворотни.

До тла он выглядел ещё тленноугодней...
Впадай же северным крестом в пупковой грыже слов!
Из оглавления: Смешно. Под шахматных. Столов.
Паркетной. Геометрии. Удобрить. Сродни...

Откалиброванный мой ход. И серпантинom настезь
Орнамент зацелованного февраля...
У этой пустоты не достаёт ноля.
Ночная кобылица не имеет масти –

Не образуемая ярость конокрада...
Да и мостам летать в глазоподобный мармелад...
На тетиву смычок печали – в брошенных назад,
Прожитых в прочь, впрок не рождённых, в не распятых.

⁵ **Grande** – в данном случае собирательный образ ночного Парижа между Гран-Опера и Гран-Гиньоль.

В закатах удаль перевёрнутых крестов ума...
Удел Delirium, обожествляясь, клонит в ночь.
Одну её в цианистых клозетах растолочь,
Да пудрой по декабрьским рубиновым потьмам.

Ещё оракул в судороге рта в копилку неба
Отплюнет нищий грош бикфордового дня.
Воскреснуть, но не так как повелось. Скорее снять
С крестов таких, как я, – они там смотрятся нелепо.

< 2013 >

Посвящается Элеоноре Э. А. По

Элеонора, знаешь, всё пустое...
Культ звука больше не тревожит нот,
Не продлевают краски холст. И рот,
Провозглашая форму, не поёт,
Но и не режет слух.
Лишь пенный пух
в мерцании прибоя.
В качестве пустот
Используется наполнение формы.
Брешь возвеличивается сполна
Отсутствием фотона. Где волна
Омыла горизонт чуть больше нормы,
Пространство подытожила стена.
Элеонора, знаешь, всё проходит,
Пустеет ум, как в полночь тротуар.
Как тучный зам., заполнив формуляр,
Бросает, словно лишнее в природе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.